

## ТИПЫ И ФОРМЫ КРЕСТЬЯНСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

А.П.Сусанина

*Гуманитарный институт НовГУ, nst.2432@mail.ru*

Исследуется сопротивление новой экономической политике Коммунистической партии и Советского государства как имманентное свойство крестьянского мировоззрения, как самостоятельное явление со своими причинами, сущностью, результатами. На основе впервые вводимого в научный оборот архивного материала выделены два основных типа крестьянского сопротивления, активное и пассивное, с присущими им формами.

**Ключевые слова:** *сопротивление, крестьянское мировоззрение, типы сопротивления, активные и пассивные формы*

The article deals with the problem of the peasant's resistance to the new economic policy, which the Communist party and Soviet Government had put into practice. The resistance studies as an immanent characteristic of the peasant outlook and also as the independent phenomenon with its own causes, essence and results. On the base of archival data introduced for the first time the author defined two main forms or models of the peasant resistance. It is the action and passive resistance with its own different forms.

**Keywords:** *peasant's resistance, the peasant outlook, the types of resistance, active and passive forms*

В советской исторической литературе закрепились оценки крестьянского сопротивления мероприятиям Советской власти как контрреволюционные, кулацкие выступления. Непререкаемым, вошедшим в школьные и вузовские учебники, являлось положение о том, что переход к новой экономической политике весной 1921 г. погасил недовольство крестьян военно-коммунистическими методами, открыл деревне светлые перспективы и выбил почву из-под ног противников системы диктатуры пролетариата. Исследовались формы и методы борьбы Коммунистической партии с контрреволюцией, выявлялись причины, характер и специфика выступлений, подчеркивалось позитивное влияние на позиции крестьянства комплекса экономических, политических и агитационных мероприятий и т.п. Сопротивление деревни аграрной политике правящей партии и государства как имманентное свойство крестьянского мировоззрения, как самостоятельное явление со своими причинами, сущностью, формами, результатами не изучалось и не могло изучаться в силу идеологических причин. Сегодня появилась возможность определить и изучить крестьянский протест как ответ на жесткую модификацию экономической политики в деревне и методы ее проведения в годы НЭПа. Сопротивление представляло собой политическую деятельность крестьянской массы с особым, присущим только ей, стилем поведения и взаимодействия с властью, направляющуюся, главным образом, на борьбу с издержками и перегибами, а также против работников советского аппарата, деревенских общественников, активистов. Расследование и учет дел по сопротивлению деревни мероприятиям Советской власти возлагались непосредственно на органы ГПУ — ОГПУ с применением необходимых мер пресечения любого недовольства.

На современном этапе развития исторической науки глубокое осмысление НЭПа и ее не изученных аспектов на общероссийском и региональном уровнях только начинается. В научный оборот вводятся ранее не публиковавшиеся архивные материалы, которые развеивают миф о новой экономической политике как «золотом» периоде советской истории.

Своеобразным регионом являлся в ту пору Северо-Запад России. Петроградская (Ленинградская), Новгородская и Псковская губернии имели традиционные, исторически сложившиеся многосторонние связи, учитывавшиеся в ходе административных делений. Летом 1927 г. они образовали обширную Ленинградскую область. Важнейшим источником регионального исследования служат фонды государственных архивов.

Необходимо подчеркнуть, что российское крестьянство быстро лишилось организующей политической силы. Упрочнение Советской власти происходило в условиях противоборства различных политических партий. В аграрных северо-западных губерниях наибольшую опасность большевики видели в правых и левых социалистах-революционерах. Разногласия с ними вращались вокруг земельного вопроса и продовольственной политики. За считанные годы РКП(б) организационно нейтрализовала или подчинила себе все независимые общественные организации и стала единственной политической партией, входившей в органы государственной власти и их полностью контролирующей. На Северо-Западе однородный состав Советов депутатов стал реальностью в 1923 г. История показала пагубность и бесперспективность нахождения во власти единственной партии и декларирования ее «генеральной линии» как выражения чаяний и воззрений всех социальных слоев населения.

Монополизация власти вкупе с неспособностью управлять страной экономическими методами, без репрессий и нажима, подавление инакомыслия, безжалостная эксплуатация и разграбление деревни толкали крестьянство на путь самостоятельных, радикальных мер защиты своих интересов — путь сопротивления. Изученный массив документов дает основание подразделить крестьянское сопротивление на два типа: активное и пассивное.

В первые годы НЭПа самым ярким проявлением социального недовольства явилась волна бандитизма, захлестнувшая деревню. В закрытом письме Новгородского губкома РКП(б) сообщалось, что в уездах и волостях развит мелкий бандитизм уголов-

ного и политического характера [1]. Летом 1921 г. создаются уездные и губернские чрезвычайные тройки по борьбе с бандитизмом.

Президиум Новгородского губисполкома констатировал, что в первый год НЭПа только в Новгородском уезде орудовали 8 банд. Они действовали в пределах Апраксинской, Тесовской, Бронницкой, Шимской, Медведской, Спасско-Полиетской и Чудовской волостей [2].

Под политическим бандитизмом понимались действия подобных шайк, направленные в какой-то мере против местных учреждений власти и управления. Банды состояли из крестьян, ранее участвовавшие в «зеленом» движении, и активных участников мятежей дезертиров. Их деятельность выражалась в расправах над советскими служащими, сельскими милиционерами и активистами, в разгромах помещений низовых учреждений власти с уничтожением земельной и налоговой документации. В Холмском уезде Псковской губернии банда под руководством М.Курилкина разгромила Цевельский волысполком, канцелярию старшего милиционера и лавку общества потребителей. Налетчики забрали часть масла, соли, сахара, а остальные продукты раздали населению, уверяя, что Советской власти более не существует [3]. Особенно ярко подобные действия проявились во время рейдов вооруженных формирований савинковского «Народного союза защиты родины и свободы» по уездам Псковской и Новгородской губерний.

Заметной формой активного сопротивления явилось противодействие на религиозной почве. Оно проявилось после опубликования 26 февраля 1922 г. в «Известиях ВЦИК» постановления высшего органа государственной власти об изъятии церковных ценностей. Представителей комиссий не допускали в сельские церкви, в некоторых волостях имели место случаи волнения и беспорядки. С конца мая 1922 г. Новгородский губернский революционный трибунал провел несколько процессов в городах. Затем выездная сессия трибунала перенесла заседания в Демянский, Боровичский, Новгородский и другие уезды. За организацию и активное участие в волнениях к лишению свободы осуждали сельских священников и руководителей коллективов верующих.

В 1923 г. Новгородский губернский суд рассмотрел дело об организации, именовавшей себя «Объединенным коллективом верующих Бронницкой, Новоселицкой, Никольской и Подберезской волостей». Целью объединения было создание структуры, близкой верующим массам и способной выступить на защиту их религиозных убеждений. Суд квалифицировал инициативу сельчан как «участие в организации, противодействующей в контрреволюционных целях нормальной деятельности советских учреждений», т. е. как контрреволюционное преступление, и по ст. 63 УК РСФСР приговорил 15 человек к лишению свободы на срок от 7 до 10 лет с конфискацией имущества [4].

Летом 1924 г. в деревнях уездов, граничивших друг с другом, — Новгородского, Порховского Псковской губернии и Лужского Ленинградской губернии — массово «обновились» иконы. «Обновления» сопровождалась слухами о конце света, о близ-

кой войне и крахе Советской власти, о том, что иконы не подпускают к себе коммунистов и убивают пытающихся их изъять и пр. Власти ограничились мерами агитации. В декабре Новгородский губернский суд дело прекратил [5].

Пытаясь встать на защиту религиозной духовности, деревня вступила в непримиримый конфликт с системой взглядов новых правителей. Замена религиозного мировоззрения на материалистическое, подчинение Русской Православной Церкви советскому государству сопровождалось жестоким разграблением историко-художественного достояния народа, репрессиями против священнослужителей и мирян. Против государственной машины верующее деревенское население оказалось бессильно.

Стремление к объединению нашло выражение в такой форме сопротивления, как попытки создания союзов трудового крестьянства. Определение «крестьянский союз» имело различные толкования, но все они сводились к требованиям политического самоопределения сельского населения.

Начиналось с создания в отдельных деревнях и волостях крестьянских групп, что свидетельствовало о стихийной тяге села к организованности. Не встречая в большинстве случаев поддержки со стороны партийных ячеек и советских учреждений, наиболее активные элементы крестьян группировались вокруг повсеместно создававшихся красных уголков. В Новгородской губернии в декабре 1924 г. красных уголков почти не было, но к апрелю следующего года их количество достигло 483. В отчете Северо-Западного областного бюро ЦК РКП(б) за 1924 — 1925 гг. сообщалось, что красные уголки стали настоящими крестьянскими своеобразными клубами, которые группировали вокруг себя и организовывали взрослое население [6].

Следующим шагом стала идея некоего сообщества, которое бы объединяло сельчан и защищало их интересы. В информационных сводках Новгородского губернского отдела ОГПУ неоднократно фиксировались попытки крестьянской самоорганизации. Так, в селе Вознесенье Березайской волости Валдайского уезда был создан союз под названием «Беспартийные советы». Уже к середине 1924 г. партийным и чекистским органам стало ясно, что эти попытки стали общими и быстро распространяются. За 1924 г. губотделом ОГПУ было зарегистрировано 203 выявленных фактов агитации за создание крестьянского союза, в следующем году — уже 543. Наблюдались попытки создания различных товариществ, уклонявшихся от вхождения в общую кооперативную сеть [7]. Проблема становилась опасной реальностью для власти и требовала принятия незамедлительных оперативных и организационно-агитационных мер.

Деревенские жители оказывали активное сопротивление работникам советского аппарата при требовании бесплатных подвозов, при составлении описей домашнего имущества и скота, имевшихся лесоматериалов [8]. Противодействие квалифицировалось по ст. 86 ч. 2 УК РСФСР как «сопротивление отдельных граждан представителям власти при исполнении ими возложенных на них законом обязанностей» и каралось лишением свободы на срок от 1 года до 2 лет.

Практически повсеместным типом активного сопротивления стали поджоги за общественную деятельность и участие в налоговых, хлебозаготовительных кампаниях. Поджоги как способ протеста и мести предпринимались не только против того или иного государственного предприятия, артели, имущества представителя местной власти, но и имущества наиболее состоятельных односельчан. Так, в деревне Аркаже из-за поджога сарая сгорели 700 пудов сена и около 30 пудов овсяной соломы, принадлежащих председателю крестьянского комитета общественной взаимопомощи (ККОВ). На пастбище был зарезан двухлетний жеребец члена Оскуйского волостного ККОВ [9]. Учет и расследование данных дел возлагались на органы госбезопасности.

Чаше крестьянское недовольство приобретало пассивные формы сопротивления. Массовым явлением стало крайне пассивное отношение сельчан к перевыборам сельских Советов крестьянских депутатов. В Медведевской волости Валдайского уезда на перевыборы сельского Совета из 500 избирателей явились 90, что заставило перевыборы отложить. Председатель сельского избирательного комитета говорил, что при вручении повесток многие крестьяне просто отказывались их принимать, поэтому не было надежды, что граждане соберутся в другой раз. В Парахинском сельсовете Маловишерского уезда избирателям по деревням было разослано до 600 повесток, а на собрание в деревню Поддубье явилась лишь десятая часть и предвыборное собрание не состоялось. На перевыборное собрание Грузинского сельсовета Чудовской волости Новгородского уезда из общего числа избирателей первого округа свыше 300 человек явились 120, во втором округе из 276 человек — только 54 человека. На перевыборном собрании в селе Любань из 109 избирателей присутствовала половина [10]. Сельчане вели себя пассивно, старались скорее разойтись по домам, по докладам не выступали. Избиратели не желали голосовать за предлагаемых кандидатов и нередко высказывались: «Если бы дали тайное голосование, у нас все против, за какую угодно власть, только не за эту» [11].

На беспартийных крестьянских конференциях обсуждались наиболее важные вопросы деревенской жизни, вопросы налоговой и земельной политики, по предоставлению скидок маломощным хозяйствам, разбирались крестьянские заявления и жалобы. Так или иначе, но они втягивали крестьянство в политическую жизнь и объединяли его. Наиболее активные представители крестьянской массы высказывали недовольство присылаемыми государственными докладчиками, говорили, что они совершенно не готовятся к конференциям, просто зачитывают краткие тезисы и не разъясняют крестьянам действительного положения вещей. Случалось, что, не дожидаясь окончания выступления советского работника, крестьяне говорили: «Брось, не читай нам сколько деревень, дворов и едоков, а скажи лучше, что ты сделал по нашему прошлому наказу» [12].

Сельское население бойкотировало иные инспирированные властями перевыборные кампании, в том числе крестьянских комитетов общественной

взаимопомощи. Например, в деревне Комзово Крестецкого уезда при выборах нового состава ККОВ присутствовавшие крестьяне от организации такого вообще отказались, считая его ненужным и бесполезным [13].

Многие недостатки в деятельности низовых Советов и подведомственных им организаций объяснялись неудовлетворительным руководством со стороны губернских и уездных органов власти и управления. Живое общение и инструктирование подменялось бумажной волокитой. Не соблюдались сроки перевыборов сельских Советов депутатов, в их работе нарушался принцип коллегиальности, постоянные комиссии существовали лишь на бумаге, применялись методы принуждения, обычными становились ударные кампании. Неопытность и низкая квалификация советских служащих вели к распространению грубости и взяточничества.

Амплитуда крестьянских настроений колебалась в зависимости от действий местных руководителей. Негативные явления побуждали крестьянство к сопротивлению. Абсентеизм избирателей стал тревожным симптомом падения авторитета органов Советской власти, не сумевших вовремя перейти на формы и методы работы, соответствующие НЭПу. В целом же абсолютное большинство сельских жителей предпочитало занимать выжидательную позицию. Некоторые стремились организовать и сорвать то или иное выборное собрание. В Ленинградской области зафиксировали такую группу во главе с членами правления Токсовского потребительского общества Бордкевичем и Питкеном, стремившихся провести в жизнь лозунг «Кооперация без коммунистов» [14].

К пассивному типу борьбы крестьянства следует отнести антисоветскую агитацию. Ст. 69 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. гласила: «Пропаганда и агитация, выражающаяся в призыве к свержению власти советов путем насильственных или изменнических действий или путем активного или пассивного противодействия рабоче-крестьянскому правительству...», карается лишением свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией. «За те же преступления, совершенные в военной обстановке или при народных волнениях, наказание повышается до высшей меры наказания». В ст. 58 п. 13 УК 1926 г. указанная статья была перенесена дословно.

В годы НЭПа любое недовольство, ропот или негодование в адрес Советской власти рассматривались как антисоветская агитация. Так же квалифицировали подобные высказывания в адрес ответственных работников советского аппарата. В массовом порядке проходили судебные процессы. Большое количество дел хранится в фондах губернских, окружных судов и Ленинградского областного суда. Но насколько они были обоснованными? Дела не пересматривались прокуратурой и судом после принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. и Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 г. о реабилитации жертв политических репрессий.

На самом деле агитация представляла собой бессильное недовольство крестьян проведением налоговых кампаний, особенно их технической стороной,

работой низового советского аппарата, ККОВ и потребкооперации, состоянием народного просвещения и здравоохранения, иными мерами аграрной политики, высказываемое на сельских сходах и конференциях. Государственная же власть расценивала такие проявления недовольства как антисоветскую, контрреволюционную деятельность против существующего режима, как особо опасное государственное преступление.

Пассивные типы сопротивления в своей основе имели экономические причины. Новый продовольственный налог мало чем отличался от недавней разверстки по своим размерам, срокам уплаты и методами сбора. Налоговые кампании сопровождалась недочетами в работе комиссий, ошибками при исчислении дополнительного заработка, скота и отнесении хозяйств к разрядам урожайности, применением мер административного и судебного воздействия, жестокого репрессивного давления, штрафов, продаж имущества с торгов. Повсеместными стали суждения такого рода: «Все, что при царе накоплено, при Советской власти приходится за бесценок отдавать» [15]. Немаловажным поводом для недовольства было обложение налогом скота, особенно коров. «Тяжело обложена корова, считал крестьянин, наша корова слабосильна, она не фабрика, а только навозная течь» [16]. Единственный выход сельчане видели в укрывательства скота от обложения.

Со второй половины 1920-х годов ответом крестьянства на начало форсированной индустриализации и применение репрессивных мер по выкачке хлеба из деревни стали жесткие формы сопротивления. Приобрели массовый характер донесения в комитеты ВКП(б) об открытых нападениях на председателей и секретарей сельских Советов, покушениях на селькоров и деревенских активистов [17].

Крайне негативно крестьяне относились к хлебозаготовкам. Кризис заготовок анализировался в 1928 г. на двух пленумах ЦК ВКП(б). В партийной верхушке преобладающим стало мнение о причинах трудностей как происках врагов. Кампании по заготовкам стали проводить методами «чрезвычайщины», которые фактически знаменовали конец новой экономической политики. Жесткие меры всколыхнули крестьянскую активность, которая выливалась в срывы собраний по хлебозаготовкам, избиения и убийства не только местных, но и районных и окружных работников [18].

Анализ архивных материалов позволяет сделать вывод, что противодействие аграрной политике Советской власти в деревне встречалось на всем протяжении НЭПа. Пассивный протест определялся в основном обыденным негативным отношением крестьянства к низовому советскому аппарату, недостаткам в работе сельских Советов, налоговых и землеустроительных комиссий. Основными его формами были распространение слухов, устная и письменная агитация, сокрытие земли и скота от обложения налогами, коллективные прошения, письма, жалобы, заявления в высшие органы власти о сложении непосильного обложения, нарекания, отказ от выполнения мероприятий власти, бойкотирование перевыборов в сельские Советы, в правление кооперации и крестьянские комитеты общественной взаимопомощи. Проводимые мероприятия вызывали пассивную реакцию, отсутствовал интерес к ним, а главную озабоченность вызывала лишь необходимость вовремя сдать налог.

К активному типу борьбы мужик обращался уже как к последнему средству. Распространенным явлением стал уголовный и политический бандитизм. Регулярными являлись срывы целыми селениями собраний по проведению перевыборных кампаний и вопросам хлебозаготовок. Нередкими были нападения на представителей местной власти и активистов вплоть до убийств, угрозы и поджоги их имущества.

И на всем протяжении новой экономической политики власть предпринимала жесткие, репрессивные «военно-коммунистические» меры разрешения назревавших проблем.

1. Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). Ф.1. Оп.1. Д.1939. Л.30 об., 36.
2. Государственный архив Новгородской области (ГАО). Ф.Р-218. Оп.3. Д.5. Л.32.
3. Там же. Ф.Р-3873. Оп.1. Д.230. Л.15.
4. Там же. Д.57. Л.3.
5. Там же. Ф.Р-1573. Оп.1. Д.145. Л.241-265.
6. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПДСПб). Ф.9. Оп.1. Д.74. Л.36.
7. Там же. Д.733. Л.50.
8. ГАО. Ф.Р-1549. Оп.2. Д.138. Л.10; Д.242. Л.4; Д.243. Л.4.
9. Там же. Ф.Р-1586. Оп.1. Д.43. Л.96; Ф.Р-1593. Оп.1. Д.281. Л.178-179, 183.
10. Там же. Ф.Р-214. Оп.4. Д.25. Л.272; Ф.Р-1573. Оп.3. Д.67. Л.33, 39.
11. ГАНИНО. Ф.128. Оп.1. Д.25. Л.53.
12. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф.1000. Оп.12. Д.298. Л.25.
13. ГАО. Ф.Р-1573. Оп.3. Д.36. Л.199.
14. ЦГАИПДСПб. Ф.16. Оп.1. Д.6923. Л.332.
15. Там же. Ф.9. Оп.1. Д.1058. Л.7; Ф.16. Оп.6. Д.6925. Л.48.
16. ГАО. Ф.Р-1573. Оп.3. Д.20. Л.77.
17. Там же. Ф.Р-1549. Оп.2. Д.132. Л.73.
18. Звезда. 21 июня 1929; ГАО. Ф.Р-354. Оп.1. Д.34. Л.12; Ф.Р-1586. Оп.1. Д.48. Л.68, 70, 85.

#### Bibliography (Transliterated)

1. Gosudarstvennyj arkhiv novejshej istorii Novgorodskoj oblasti (GANINO). F.1. Op.1. D.1939. L.30 ob., 36.
2. Gosudarstvennyj arkhiv Novgorodskoj oblasti (GANO). F.R-218. Op.3. D.5. L.32.
3. Tam zhe. F.R-3873. Op.1. D.230. L.15.
4. Tam zhe. D.57. L.3.
5. Tam zhe. F.R-1573. Op.1. D.145. L.241-265.
6. Central'nyj gosudarstvennyj arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (CGAIPDSPb). F.9. Op.1. D.74. L.36.
7. Tam zhe. D.733. L.50.
8. GANO. F.R-1549. Op.2. D.138. L.10; D.242. L.4; D.243. L.4.
9. Tam zhe. F.R-1586. Op.1. D.43. L.96; F.R-1593. Op.1. D.281. L.178-179, 183.
10. Tam zhe. F.R-214. Op.4. D.25. L.272; F.R-1573. Op.3. D.67. L.33, 39.
11. GANINO. F.128. Op.1. D.25. L.53.
12. Central'nyj gosudarstvennyj arkhiv Sankt-Peterburga. F.1000. Op.12. D.298. L.25.
13. GANO. F.R-1573. Op.3. D.36. L.199.
14. CGAIPDSPb. F.16. Op.1. D.6923. L.332.
15. Tam zhe. F.9. Op.1. D.1058. L.7; F.16. Op.6. D.6925. L.48.
16. GANO. F.R-1573. Op.3. D.20. L.77.
17. Tam zhe. F.R-1549. Op.2. D.132. L.73.
18. Zvezda. 21 ijunja 1929; GANO. F.R-354. Op.1. D.34. L.12; F.R-1586. Op.1. D.48. L.68, 70, 85.